

утрата Газета 2003 — 21 апр. с. 1, 15.

“ОН БЫЛ СОЛИСТОМ”

умер *Эмил Лопян*

Евгений Дога (второй слева) и Эмил Лопян на съемках фильма «Лаутары» в Карпатах

Окончание, начало не на странице 01

А какие были свадьбы! Это огромные спектакли с точной драматургией, действующими лицами, определенной музыкой на каждый ее этап и определенными кушаниями, подававшимися тоже в определенном порядке. Начинаясь такая свадьба в пятницу вечером, а кончалась проводами самых значимых гостей во вторник утром.

Для меня и для Эмиля первой книгой был *abecedary* — букварь, в котором и я и он впервые прочитали слова «мама» и «Михай Эминеску».

Значительно позже мы увидели друг друга. Это было в Кишиневе. Я еще учился в консерватории, а Эмил был уже на устах многих тогдашних молодых почитателей поэзии, ходил по городу в распахнутом плаще и с небрежно закинутым через плечо красным шарфом. Он поражал многих тогда своей красивой речью, прекрасной фонетикой и богатой лексикой. Ну, и конечно, задавал много сердечных проблем девушкам, потому что, помимо всего прочего, он был красивым, стройным парнем. Видимо, в маму пошел. Она была настоящей красавицей. Преподавала румынский язык и литературу, учила своих мальчиков, у нее их было двое, французскому языку.

Северная часть Молдавии, которая называется Буковиной, удивительно красива. Там начинается свое течение Днестр, на берегу которого я родился, там сглаживают свои хребты Карпатские горы, там ходят и по сей день в лесах сказочные персонажи, в том числе и Дракула. На склонах гор пасутся огромные стада овец. Именно в этих краях зародился знаменитый народный эпос «Миорица». Тогда меня и пригласил режиссер Эмил Лопян для изучения материала на месте для будущей картины «Лаутары». Он настолько органично сливался с местными народными музыкантами, что создавалось впечатление, будто он сам был один из них и, как они, может играть на любом музыкальном инструменте, танцевать, как они, шутить и улыбаться

щедро, громко смеяться. Но это лишь на первый взгляд.

Далее шла сложная и нелегкая работа. Видевшие лаутары (народные музыканты) как ученики слушали этого темпераментного молодого человека, который учил их вплоть до того, как смычок держать или куда приложить подбородок на скрипке. Там я впервые увидел и услышал цыганских музыкантов. Как известно, цыгане долгое время были крепостными и, таким образом, считались людьми низшей расы. Эмил очень скрупулезно изучил их жизнь и великолепно это воплотил в своей прекрасной картине «Лаутары». Это была для меня школа, в которой я познал бесконечность гениального народного творчества.

Для недавнего студента, закончившего консерваторию, получившего академическое образование с элементами снобизма и скептического отношения к фольклору, работа с Эмилем Лопяном была и своеобразной академией. Здесь как нельзя лучше сошлись моя профессиональная выучка и музыкальный материал моих предков, симфонические коллективы и народные самородки-исполнители. Это был 1971 год, и техника звукозаписи была довольно примитивной. Конечно, Эмил не мог знать, как достичь того или иного звучания, но он точно знал, чего хочет, и для этого привлекал пытливых технарей-радикалов. Фильм «Лаутары» получил «Серебряную раковину» на Международном кинофестивале в Сан-Себастьяне в Испании.

После этой моей первой работы с Эмилем Лопяном он, видимо, развеял свои сомнения на мой счет и предложил дальнейшее сотрудничество. А сомнений было достаточно, ибо мои работы на киностудии «Молдова-фильм» с другими режиссерами не блистали чем-то особенным, и, видимо, поэтому он несколько лет наблюдал со стороны, как у меня идут дела. Для меня это значило многое. Хотя мы были почти ровесниками, в моем сознании, да и не только в моем, это был мэтр, и работать с ним считалось большой честью. А работа предстояла тяжелейшая.

Начиналась создаваться картина «Табор уходит в небо» на киностудии «Мосфильм». Это еще один новый этап в освоении уже не молдавского, а цыганского фольклора и превращение его в нечто новое, возвышенное, с применением самых сложных звуковых сочетаний на базе симфонического оркестра, академического хора и подлинных цыганских исполнителей. И здесь Эмил выступал как самый большой знаток цыганского народного творчества. Помнится, как ревностно относились цыгане к нам на начальном этапе работы. Они не могли допустить, чтобы кто-то иной, кроме них самих, мог заниматься цыганской музыкой. Но уже после первой пробы записи с полным составом исполнителей и я, и Эмил стали для цыган самыми почитаемыми и любимыми. Они впервые услышали свое искусство в таком качестве. Да, собственно, и мы тоже этого никогда не делали.

Благо тогда на «Мосфильме» вновь созданным объединением под художественным руководством Григория Чухрая способствовало смелым экспериментам и поддерживало новых талантливых артистов. Мы имели возможность объехать и облететь всю тогдашнюю страну вдоль и поперек, чтобы найти всего несколько самородков, носителей подлинного цыганского фольклора. Так у нас в группе появились из Забайкалья семья Бузыльевых, исключительно одаренная и самобытная.

Однажды на репетиции в подвальном помещении гостиницы «Мосфильмовской», где мы собирали десятки артистов, пришла и семья Бузыльевых. Мать у них была самой главной. И вот перерыв. Цыгане не устают от репетиций и в перерыве продолжают музицировать. Вдруг в центре круга появляется маленькая девочка и под общее ликование и пение цыган танцует, а потом и сама поет. Это было настолько неожиданно здорово, что мы все были поражены удивленным и улыбающимся. Это маленькое существо с ямочками на щеках, смуглым лицом и ярко-голубыми глазами и крупными белыми зубчиками сумело заколдовать всех до такой степени, что взрослые уже интеллигентно нас меньше всего. Эмил тут

же придумал ей сцену в картине, и она сыграла блестяще.

Это так украсило фильм, что уже трудно было бы представить себе картину без Алены Бузыльевой. Да и пластинку с музыкой фильма «Табор уходит в небо» раскупали во многом благодаря голосу этой чудной девочки. Хорошо, что не на кого было оставить ее дома тогда во время репетиции в гостинице «Мосфильм» и родители взяли ее с собой, а то бы мы и не узнали ее никогда. Да и фильм мог быть немного другой.

Семидесятые годы для нас с Эмилем были удивительно насыщенными и плодотворными. Еще не стихли овации от «Табора», как уже полным ходом шла работа над фильмом «Мой ласковый и нежный зверь» по рассказу А.П. Чехова «Драма на охоте». Эмил меня все время упрекал в попытке перенести колорит звучания музыки «Табора» в эту новую картину, хотя я и не собирался этого делать. Как-то он говорит: «Вот начинается сцена... ничего не звучит... из ничего вдруг все взмывает вверх, и звучит вальс». Про вальс я ему до этого подсказал идею. Я пытаюсь сказать ему, что музыка — это звуки, и она должна звучать. Но с Эмилем спорить было бесполезно. Тогда я понял, что нужно стать на его позицию и попытаться понять его идею и задачу.

Около полуночи шел подготовительный период, и вот... «Где вальс?» — спрашивает Лопян. Я тик-так, а ничего интересного не могу режиссеру продемонстрировать. Он начинает свирепеть. Тогда я вспомнил, что есть еще один маленький эскиз мелодии. Только прозвучали первые звуки, как Лопян воспрянул, оживился и уже не отстал от меня, пока я ему не развил тему до конца. И тут же ушел. Я остался один на один с поставленной задачей, одной ночью и страхом перед грядущей назавтра записью первой сцены первого съемочного дня новой картины.

На следующий день запись прошла удачно, оркестр хлопал смычками, что бывает очень редко. А еще через день уже на съемочной площадке в Валуеве, что под Моск-

вой, прошли съемки ставшей знаменитой сцены свадьбы Оленьки Скворцовой, давшей нам прекрасную актрису Галину Беляеву. Да и мне — музыкальный номер на три минуты и более четверти века звучания где только можно. Этим вальсом я помогаю даже бомжам зарабатывать на пропитание в переходах метро или на улице.

Эмил был, как ребенок, любознателен и наивен. Ему страшно хотелось уметь все, знать все, успеть все. Он был мечтателем, действительным мечтателем, а не созерцателем. Помню, как ему захотелось добиться неимоверной силы звучания симфонического оркестра для фильма «Анна Павлова» и как, ставши сам за дирижерский пульт, он просил мощное рубато. Оркестр не понял задачи и играл все слабее и слабее, пока не вывел совсем из равновесия режиссера. Но когда обе стороны поняли, в чем дело, что рубато — это не значит рубить, а играть свободно, то Эмил очень щедро рассмеялся и вернул на место дирижера, который уже с удвоенной энергией продирижировал музыкальный номер, и таким образом общая атмосфера стала еще теплее.

А однажды ему захотелось получить эффект рассыпающихся монет откуда-то сверху, с гор, с небес, что ли. Увидев в оркестре большие музыкальные тарелки из бронзы, он тут же положил на них все что можно железное и стал трясти. Эффект получился блестящий.

Москва как-то мало знала его поэзию. Да и сам Эмил не особенно заболелся, чтобы его знали и как поэта. Да, все говорили о поэтичности его фильмов, о романтике и музыкальности его работ, а мало кто мог читать что-нибудь из его поэзии. А поэзия у него исключительная. Это что-то подобное золотым нитям, что соединяет Землю и Вселенную, и кажется, что на этих нитях свисают маленькие значки, которые стоят только тронуть — и они превратятся в ноты и зазвучат.

У меня довольно много произведений на его стихи. Они необычны по тематике, ритмике, силе звучания. Я часто включаю

песни на его стихи в программы своих концертов. Вот и недавно в феврале звучали «Голуби с нашей улицы» в программе концерта, что проходил в зале «Россия». На его либретто написан мой первый балет «Лучицафэрул», за который я в свое время получил Государственную премию СССР. Его стихи положены в основу кантаты «Белая радуга», множества песен. Они исключительно музыкальны, добры и чисты. От его стихов несет какой-то хрустальной прозрачностью и озоновой прохладой. Он сумел передать состояние вечной жажды любви ко всему прекрасному, к окружающему нас миру, к добрым людям, к вечным источникам жизни и вдохновения — женщинам.

Он был настоящим художником, поэтом, джентльменом. Он хотел быть замеченным. Он никогда не появлялся в толпе. Он был солистом. Эмил Лопян входил в зал последнего, и его лихая походка и элегантная одежда встречались аплодисментами. И эти аплодисменты были заслуженны. Он их стоил. Я уверен, что мир еще долго будет аплодировать его творчеству, долго будет читать его книги, смотреть его фильмы и вспоминать его доброе и звонкое имя — Эмил Лопян.

Не верится, что Эмиля уже больше нет. Так и хочется позвонить ему и услышать в трубке его широкое и мелодичное «Алле!». Так будет не хватать его вечного беспокійства, динамики, ритма! Поверят в то, что его нет, лишь те, которые так долго держали его творческий голос под сурдинкой, в сейфе. А ему хотелось вырваться из него, зазвучать на весь мир и таким образом заполнить этот мир звуками, которые слышал только он, нанести такие краски, которые видел только его внутренний глаз, пойти по земле таким шагом, который делал только Эмил Лопян, мой современник, мой друг, мой единомышленник. Да, это, пожалуй, даже важнее всего, потому что мы жили и работали в одной тональности, в одном ладу, стройном и поэтичном. Его поэзия жизни не кончилась. Она будет продолжаться в улынках и делах всех, кто знал и любил великого художника и беспокойного человека Эмиля Лопяна.

ОН СТАЛ ЦЫГАНСКИМ ПОЭТОМ ЗАДОЛГО ДО КУСТУРИЦЫ

Самый знаменитый не только в России, но и в мире молдавский режиссер Эмил Лопян еще молодым человеком вышел за пределы национальной эстетики, столь тщательно пестуемой им, и создал произведения абсолютно универсальные. Причиной тому был его неиссякаемый романтизм — не случайно Лопян был еще и поэтом. Впервые дарование выпускника ВГИКа, работавшего на «Молдова-фильме», оценили в испанском Сан-Себастьяне, где на фестивале его «Лаутары» были удостоены «Серебряной раковины». Несколько лет спустя самый знаменитый фильм Лопяна, поставленный по мотивам ранних романтических рассказов Максима Горького, «Табор уходит в небо», получил на том же фестивале главный приз «Золотую раковину». Тогда имя Эмиля Лопяна было окончательно вписано в историю мирового кино. Едва ли не самая дорогая сердцу режиссера работа, своеобразная экранизация «Драмы на охоте» Чехова — «Мой ласковый и нежный зверь» — была принята куда более холодно, однако вальс, написанный постоянным соавтором Лопяна, композитором Евгением Догой, надолго стал эталоном советской киномузыки. До последних лет жизни Лопян, оставивший не так уж много фильмов, хранил преданность юношеской романтике, заявленной еще в первых работах. Как первооткрыватель цыганской темы, он опередил лет на двадцать одного из самых модных в нынешней Европе режиссеров Эмира Кустурицу. Идеалист и сказочник, Эмил Лопян был когда-то законодателем моды, а остался редким примером склонного к поэзии и в то же время народного автора.

фильмы Эмиля Лопяна

- «Большая хора» (1959)
- «Жил-был мальчик» (1960)
- «Камень, вода, песня» (1961)
- «Ждите нас на рассвете» (1963)
- «Красные поляны» (1966)
- «Фреска на белом» (1967)
- «Это мгновение» (1969)
- «Академик Тарасевич» (1970)
- «Лаутары» (1971)
- «Мой белый город» (1973)
- «Эхо горячих долин» (1974)
- «Табор уходит в небо» (1976)
- «Мой ласковый и нежный зверь» (1978)
- «Анна Павлова» (1983—1986)
- «Лучицафэрул» (1987)
- «Скорлупа» (1993)

Эмил Лопян с актрисой, музой и бывшей супругой Галиной Беляевой
Фото: ИТАР-ТАСС

АНТОН ДОЛИН